

Л.П. Черникова

БашГУ, г. Уфа

**«Землю под фундамент привезли с родины»:
очерк истории Генерального консульства
России в Шанхае в 1890-е – 1927 гг.**

В центре современного Шанхая на Набережной Вайтан (бывшем Банде), на ул. Хуанпулу, дом № 20, расположено Генеральное консульство Российской Федерации. Это здание охраняется правительством Шанхая как памятник культуры и является свидетелем многих событий XX века.

Для иностранной торговли Шанхай был открыт как «договорной» порт в 1843 г., после чего город сразу же приобрёл довольно большое значение в торговле как с заграницей, так и с внутренними районами Китая. Англичане первыми зафиксировали здесь свои земельные права (ещё в 1845 г.), на протяжении нескольких последующих лет в городе были созданы Американский сэттльмент и Французская концессия. Поскольку американский сэттльмент поначалу не был признан официально, то в 1863 г. он вошёл в состав Международного (англо-американского) сэттльмента.

Со второй половины XIX века Россия несколько активизировала свою политику на Востоке, а длительное развитие русско-китайских отношений к этому времени уже насчитывало 6 русско-китайских договоров. Все эти договоры преимущественно касались

© Черникова Л.П., 2013

пограничных вопросов, а также экстерриториальных прав российских граждан и торговцев в Китае. Таким образом, дипломатические отношения между Россией и Китаем были установлены де-факто.

С конца 1880-х – начала 1890-х годов Шанхай постепенно приобретал роль центра промышленной деятельности. Здесь открывались фабрики и заводы с действующими паровыми машинами, основным видом производства была обработка хлопка и производство хлопчатобумажных тканей. Договор в Симоносеки в 1895 г. завершил японо-китайскую войну, что также содействовало росту шанхайской торговли и промышленности. По этому договору иностранцы получили право владеть промышленными предприятиями в договорных портах.

С приходом европейцев Шанхай стал приобретать характерные признаки европейского города – здесь шёл бурный процесс урбанизации, европейский подход преобладал в вопросах торговли и организации городской жизни, развивалось промышленное производство, обмен товарами, особую роль стала играть торговля. Несмотря на свой быстрый рост, Шанхай долго ещё сохранял характерные особенности колониального города. Не в пример волнующему своими красотами Пекину, не в пример чистенькому, скромному, симпатичному Тяньцзиню и обрусевшему Харбину, Шанхай оставался городом лёгкой наживы, угарных страстей и бездушного делячества.

Присутствие России в Китае ограничивалось основными районами российского влияния – Пекином, Тяньцзинем, Харбином и Маньчжурией (в части строительства и эксплуатации КВЖД). Здесь Россия выступала как официальный и равноправный участник отношений с Китаем наряду с другими европейскими державами. Некоторые страны имели преимущественное присутствие в таких районах Китая, как Шаньдун (Германия), Гонконг (Англия), Шанхай (Франция), Макао (Португалия) и другие.

Согласно Пекинскому трактату 1860 г., Министерство иностранных дел императорской России начало напрямую посылать дипломатических посланников в Пекин и отменило прежний порядок использования Пекинской православной миссии в качестве посредника в дипломатических и торговых вопросах. После этого Миссия была непосредственно подчинена Российскому священному Синоду, и с 1861 г. в Китай в качестве посланников были направлены дипломаты и консульские сотрудники (см. Приложение 1).

После подписания российско-китайских Тяньцзиньского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров число официальных посольств и консульств России в Китае с каждым годом стало увеличиваться. Главными официальными лицами в Посольстве России в Китае были

специальные полномочные посланники, первые секретари и вторые секретари посольства; первый и второй советники; военный атташе и вице-атташе, а также морской атташе; начальник охраны посольства, стажёр-советник и другие. Российские генеральные консульства и консульства поначалу были открыты в различных торговых портах Китая, а впоследствии и в других городах, например, в Аргуне, Гуанчжоу, Яньтае (Чифу), Тачене, Даляне, Фучжоу, Хайларе, Ханькоу, Харбине, Инине (Кульджа), Цзяочжоу (ныне Цзяосяне), Цзилине, Шэньяне, Нинбо, Пекине, Шанхае, Шаньтоу, Цицикаре, Тяньцзине, Урумчи и др.

В течение первых десятилетий существования Шанхая как открытого порта, русских в нём совершенно не было, кроме случайно заходивших в Шанхай военных судов. Однако, по мере образования в Ханькоу русских чайных факторий, Шанхай начал уже в 60-х гг. XIX века служить перегрузочным пунктом для отправки ханькоуского чая в Россию. В связи с этим, в 1865 г. в Шанхае было открыто нештатное консульство, во главе которого был поставлен английский подданный Ш.Б. Диксвель, а его помощником был назначен другой англичанин Херд, утверждённый в должности нештатного русского вице-консула. В 1880 г. должность нештатного консула в Шанхае была передана уже русскому подданному, бывшему инструктору в китайских войсках (а впоследствии представителю английской страховой компании) Ю.А. Редингу.

Во время китайско-японской войны 1894–1895 гг., когда ещё не существовало сплошной Сибирской железнодорожной магистрали, а Владивосток был отрезан от остальной России громадным бездорожным пространством и поддерживал связь с Европой только благодаря Одесской линии Добровольного флота, суда которого заходили в Шанхай за грузами чая, – значение русских в Шанхае было так ничтожно, что, кроме нештатного консула, в нём вообще не было постоянных русских жителей.

В 1893 г., проезжая через Шанхай в Чифу, молодой В.Ф. Гроссе нашёл здесь лишь одного русского подданного – г. Хаймовича, дети которого проживали в Шанхае вплоть до середины 1930-х годов.

Разгром Китая Японией, уступка Порт-Артура и аренда Россией Квантунского полуострова несколько приблизили Шанхай к сфере русского влияния. Тем более начавшаяся немедленно вслед за этим постройка русскими Порт-Артурских укреплений, а затем и обширного торгового порта в Дальнем потребовали доставки из Шанхая разного рода строительных и иных материалов, и в Шанхае начали всё чаще и чаще показываться представители военного и морского ведомств, инженеры и подрядчики.

Уже в 1896 г. в Шанхае было учреждено штатное Русское Генеральное Консульство, и на этот пост был назначен П.А. Дмитриевский (занимавший этот пост до 1899 г., когда его сменил К.В. Клейменов), а в 1898 г. здесь была открыта и Русская Почтовая Контора.

После официального открытия генконсульства России, в Шанхай в качестве генконсулов в разное время были направлены:

- Дмитриевский П.А. (на должности генконсула в Шанхае с 1896 по 1899; с 1899 – на должности поверенного в делах Кореи, в тот же год он скончался в Сеуле).
- Клейменов К.В. (в 1888 г. прибыл в Китай и работал советником Российского Посольства в Китае; в 1890–1891 гг. – на должности поверенного в делах; в 1901–1910 гг. – генконсул России в Шанхае).
- Гроссе Виктор Фёдорович (в 1893 г. приехал в Китай; в 1894 г. занял должность вице-консула России в Яньтае (Чифу); с 14 марта 1911–1920 гг. – генконсул России в Шанхае).

Приведём также список наиболее известных лиц, работавших в генконсульстве императорской России:

- Мецлер Карл Эдуардович (с 1911 г. служил в Министерстве иностранных дел России, в 1912 г. был направлен в Посольство России в Пекин, с 1913 г. работал в качестве стажёра-советника; в 1917 г. был назначен в Шанхай, где занимал должность вице-консула вплоть до закрытия генконсульства).
- Иванов Николай Алексеевич (с 1910 г. на дипломатическом поприще, был назначен в Российские консульства и генконсульства в Пекин, Харбин, Кульджу (Инин), Ханькоу и др. города; с 1919 г. назначен вице-консулом и Консульским судьёй в Шанхай).
- Братцов В. [Bratzoff, W.] (до 1914 г. – вице-консул России в Шанхае; в июле 1914 г. был назначен консулом России в провинцию Цзилинь (Гирин).
- Мулюкин Николай Сергеевич (до 1914 г. – вице-консул России в Шанхае; в октябре 1915 г. – консул России в Яньтае (Чифу). Вернулся в Россию в 1948 году и, не будучи формально репрессированным, как его дочь Татьяна, проведшая десять лет в лагерях и пять на поселении, скончался в конце пятидесятых в Екатеринбурге).
- Сюннерберг Г.Г. – агент министерства торговли и промышленности (с 1912 г. в Шанхае). После объявления независимости Финляндии в 1918 г. и вооружённого конфликта 1918–1920 гг. он стал Консулом Финляндии в Шанхае (1922–1925), затем

представителем крупной шведской компании Moberg & Co. Автор краткого исторического очерка в альбоме «Русские в Шанхае». Переехал в США в 1947 г.

В 1896 г. в Шанхае было открыто отделение Русско-Китайского банка. На этом торжестве присутствовал Д.Д. Покотиллов (русский посланник в Пекине с 1905 по 1908 г.) и В.Ф. Гроссе. После боксёрского восстания в Шанхае была учреждена должность «второго военного агента» (первый военный агент находился в Пекине), на которую был назначен полковник генерального штаба К.Н. Дессино, и должность агента Министерства Финансов, которую занял Н.А. Распопов.

Здание Русско-Азиатского банка в Шанхае в начале XX века

Русско-Китайский банк помещался первое время в одном из зданий напротив английского парка на Бабблинг Уэлл роуд (ныне Nanjing Xilu). Вскоре после открытия своего отделения в Шанхае, Русско-Китайский банк (впоследствии – Русско-Азиатский) купил обширный участок земли на Банде, на котором и выстроил собственное здание. Новое здание банка было открыто в 1902 г.

В период между боксёрским восстанием и началом русско-японской войны численность русской колонии в Шанхае возросла до нескольких десятков человек. Можно сказать, что её составляли почти исключительно представители официального мира. Тем не менее общая обстановка была такова, что можно было ожидать значительного развития и частных торговых сношений России с Шанхаем: строительство КВЖД было закончено и был проложен путь через всю Маньчжурию как до Владивостока, так и до Дальнего. На последний порт возлагались большие надежды как на будущий мировой порт, из которого Россия имела бы возможность посылать свои товары по водам Тихого океана во все концы мира. Наконец,

обладая прекрасным незамерзающим портом, она могла бы в должной мере развивать свой торговый флот и конкурировать на рынках Дальнего Востока со своими старыми соперниками.

Однако разразилась русско-японская война, и все эти надежды и планы разлетелись, как дым. В этот период Шанхай не переставал быть центром, в котором русские проявляли большую активность. Здесь была сосредоточена большая работа по разведке вражеских сил, отсюда посылались запасы продовольствия в осаждённый Порт-Артур и, наконец, здесь нашёл себе убежище пострадавший в боях с японцами российский крейсер «Аскольд». Немало перебивало за это время в Шанхае и русских, так или иначе причастных к войне. Здесь лечились многие из раненых офицеров и солдат; здесь же многие из них нашли себе раннюю смерть и были похоронены на русском кладбище в Шанхае.

После окончания войны через Шанхай на Родину потянулась длинная скорбная вереница наших пленных из Японии. Война эта нанесла удар российскому престижу и не успевшему ещё окрепнуть российскому влиянию на Дальнем Востоке. Россия так и не успела организовать нормальной торговли, создать крупный торговый флот, ни даже закончить постройку торгового порта в Дальнем, как всё это рухнуло, и надо было искать новые выходы из создавшегося положения.

С 1911 г., когда разразилась Синьхайская революция и пал трон богдыханов, и все последующие годы затянувшегося на 20 лет междоусобия, население Шанхая продолжало быстро пополняться за счёт беженцев из разных частей страны, искавших здесь спокойного существования, имущественной и личной безопасности.

Русская торговля в Шанхае не успела ещё пустить прочные корни и, кроме Русско-Азиатского банка, контор Добровольного Флота и Восточно-Азиатской компании (российско-датского пароходного предприятия), занимавшихся, главным образом, отправкой в Россию чая, идущего через Шанхай из Ханькоу, – частные русские интересы здесь никем не были представлены. Но такое положение продолжалось сравнительно недолго. Вскоре после окончания русско-японской войны нормальная деятельность Сибирской магистрали была восстановлена, и Шанхай вдруг оказался ближе к Европе, а в частности – к России, чем когда бы то ни было раньше. Количество иностранцев, пользовавшихся этим кратчайшим путём для переездов к себе домой и обратно, увеличивалось из года в год. Желая направить его поток не на Дальний, перешедший к японцам, а на Владивосток, правление российского Добровольного Флота установило между

Шанхаем и Владивостоком еженедельное пароходное сообщение. Расписание соответствовало приходу и отходу из Владивостока скорых пассажирских поездов.

Российские торговые круги опять начали проявлять интерес к возможностям сбыта на Дальнем Востоке некоторых видов своих товаров (в частности, мануфактуры, керосина и леса), и в Шанхае открылись представительства и агентуры некоторых московских фирм, как, например, отделения русского дома Коншина и Эмиль Цинделя. Интерес к Шанхаю начали проявлять российские страховые общества, открывшие в Шанхае свои агентства.

Численность русской колонии начала увеличиваться, и к 1914 г. достигла нескольких сот человек. По расчётам 1915 г., общая численность шанхайских русских резидентов составляла 408 человек, среди которых 361 жил на международном сэттльменте и 47 – во Французской концессии. Однако колония эта всё ещё была настолько мала, а главное – так разнохарактерна по своему составу, что речь о создании в Шанхае каких-либо русских общественных организаций, клуба или школ идти не могла, к тому же для этого не имелось ни средств, ни людей. Из частных русских организаций существовала только одна – Русский Благотворительный Кружок, имевший своей целью оказание помощи нуждающимся соотечественникам.

Таково, в общих чертах, было положение русской колонии в Шанхае вплоть до Первой мировой войны, сильно изменившей внешний облик и состав русской колонии Шанхая.

Во время Первой мировой войны характер торговых отношений Китая с Россией сразу же резко изменился. Разруха в России, в связи с обстоятельствами военного времени, расстройством транспорта и при наступившем товарном голоде всё более и более затрудняла ввоз российских товаров в Китай. Одновременно российская сторона испытывала усиленный спрос на всякого рода китайские товары. Через Шанхай, как крупнейший торговый порт, много грузов шло транзитом. В течение войны в Шанхае перебивало значительное количество русских – торговцев, коммерсантов, агентов по закупкам отдельных видов товаров, уполномоченных различных общественных организаций и поставщиков правительства. В Шанхае производилась постройка небольших ледоколов для нужд Владивостокского порта, сюда непрерывно поступали из России требования на металлы, машины, аптекарские и химические товары.

Так, за время Первой мировой войны в Шанхае увеличилось число представителей русского торгово-промышленного класса, и это поставило на очередь вопрос о создании в Шанхае Русской Торговой

Палаты как учреждения, призванного непосредственно содействовать русскому купечеству в его сношениях с Китаем, в частности, с Шанхаем.

Первоначальное здание Генконсульства
на ул. Бабблинг Велл роуд (ныне Nanjing xilu)

Однако неблагоприятным следствием войны для России явились захват и гибель пароходов, обслуживающих рейсы между Шанхаем и Владивостоком, а в связи с блокадой и закрытием Дарданелл прекратилась и непосредственная связь Шанхая с Одессой. Таким образом, в результате войны Шанхай фактически оказался отрезанным от России.

Первоначально генконсульство императорской России располагалось на ул. Бабблинг Велл роуд [ныне Nanjing xilu], однако это было не совсем удобно с точки зрения престижа. Консульства основных «договорных» держав – США, Германии, Англии, Италии, Голландии, Бельгии, Испании, Японии и других – находились на Банде, образовав своеобразный консульский квартал. Практически вся Европа в лице генконсульств была представлена на Набережной. Россия не могла оставаться в стороне – она занимала равноправное положение и претендовала на закрепление своего присутствия на Дальнем Востоке. Таким образом, перенос месторасположения представительского учреждения России на Банд считалось делом весьма и весьма важным.

Поэтому в начале 1915 г. к северу от моста Garden Bridge (ныне Waibai duqiao) был куплен участок земли в 3264 кв. м, рядом с фешенебельной гостиницей Astor House (ныне Pujiang Hotel). Этот участок был привлекателен тем, что находился в живописном месте у впадения небольшой речки Сучжоу в реку Хуанпу. Началось строительство

нового здания консульства, которое было возведено чрезвычайно быстро (закончено в декабре 1916 г.). По преданиям, фундамент здания и площадь вокруг него были уложены на привезённой из России земле, в знак того, что генконсульство прочно занимает своё место (буквально: стоит на своей почве) в иноземном пространстве.

Для возведения здания был приглашён германский архитектор Ханс Эмиль Либ (Hans Emil Lieb). Он хорошо понял замысел, «политическую начинку», предназначение нового здания – дать заявить России о своём месте и правах на Дальнем Востоке среди других европейских держав – и блестяще воплотил их.

В конце 1916 г. был отстроен четырёхэтажный дом с мансардой в европейском стиле. Строительство велось строительной бригадой компании Zhou Shui Ji. Здание построено скорее в стиле германского Возрождения, нежели в стиле традиционной русской архитектуры. По мнению многих архитекторов, это строение представляет собой смешение стилей (эkleктизм), где воплощены классический замысел, немецкая традиция и стиль барокко, отличающийся подчеркнутым украшением деталей.

Здание консульства занимает всего 1700 кв.м. Фасад здания смотрит на юг, он выходит на реку Хуанпу и представляет собой ассиметричную композицию. Внизу расположен подвесной коридор, наверху – балконы. Цокольный этаж наполовину ниже уровня почвы, а верхняя его часть возвышается над землей на 2 метра. Стены нижнего этажа отделаны декоративным камнем. В восточной части

фасада на уровне второго и третьего этажей находятся балконы двухметровой ширины протяжённостью 10 м. Сверху донизу – сплошные арочные окна. Балконы застеклены окнами, соединяющими два этажа. Между окнами – консольные балки в форме выпуклых стел. Балконы второго и третьего этажей закрытого типа, а балконы четвёртого этажа – открытого. Пятый этаж покрыт двускатной крышей мансардного типа с кровельными окнами в традиционном арочном немецком стиле. Посередине западной части крышу венчает двухэтажная наблюдательная вышка с жестяным куполом, над вышкой установлен флагшток.

Рядом со зданием консульства вдоль берега реки Сучжоу тянется набережная, с восточной стороны которой находится шестигранная беседка. С беседки открывается живописный вид на реку Хуанпу и набережную Вайтан (Банд). Между берегом реки и зданием расположены большой газон и цветник. На противоположном берегу реки Сучжоу красуется парк «Хуанпу» (бывший Public Park).

На набережной Банд (Bund) в своё время было расположено более 20 консульств различных государств. По соседству с Российским Генеральным консульством располагались особняки германского, американского, японского генконсульств; напротив, на другом берегу реки Сучжоу, помещалось генконсульство Великобритании. Здания германского и американского генконсульств не выдержали испытания временем; особняки британского и японского консульств сохранились, но сегодня не принадлежат прежним владельцам.

Незадолго до завершения строительства Российского генконсульства священниками Русской Богоявленской Церкви г. Шанхая был организован хор из мальчиков-китайцев – учеников церковно-приходской школы. Этот хор пел при освящении нового здания Российского Генерального Консульства, открытого 1-го января 1917 года (по старому стилю). Хор пел на церковнославянском языке. Консульство было торжественно открыто при участии посланника России кн. Н.А. Кудашева, генерального консула В.Ф. Гроссе. На церемонии открытия присутствовал консульский корпус, а также русская колония Шанхая. Тогда же над зданием были подняты российский флаг и императорский герб России.

Российское Генеральное консульство занималось вопросами регистрации российских резидентов в Шанхае и окрестностях, оказанием помощи попавшим в беду соотечественникам, защитой прав россиян в Китае (в Консульстве имелся специальный Консульский суд императорской России, где подлежавших суду граждан судили по законам России). Кроме того, имелись военные советники (агенты),

представители торговых интересов России, секретариат, визовый отдел и другие отделы консульства.

После победы революции в России это здание пережило все перипетии резких социальных перемен, отголоски которых докатились до Китая. В те годы в Китай попало большое число бойцов белых армий. Хотя большая их часть осела в Харбине и городах Маньчжурии, в Шанхае также оказалось немало выходцев из России.

Шанхайское генконсульство России проводило работу среди своих сограждан в провинциях Китая весьма нерегулярно (возможно, из-за малочисленности, возможно – из-за удалённости). Нельзя сбрасывать со счетов, что российские граждане предпочитали не афишировать свои проблемы перед фискальными учреждениями империи, в число которых входило и генконсульство. Только в 1916 г. в Шанхае началась официальная регистрация русских граждан – шанхайских резидентов и резидентов других местностей, подчинённых генконсульству территориально. Однако после октябрьской революции 1917 г. в России, когда число россиян в Китае резко увеличилось, сотрудникам генконсульства, и, прежде всего В.Ф. Гроссе, пришлось принять множество решений, которые выходили за рамки их служебных полномочий.

Его превосходительство Виктор Фёдорович Гроссе, бывший Российский Императорский Генеральный Консул в Шанхае. Означенный пост занимал с 1911 г. по день передачи в 1924 г. русских дипломатических учреждений в Китае большевикам. По передаче, занимал пост Помощника (китайского) Комиссара по русским делам. Руководил

В.Ф. Гроссе

Комитетом защиты прав и интересов русских в Шанхае и, по выходе из него, организовал в 1927 г. «Эмигрантский комитет», представителем которого состоял по день смерти (6 октября 1931 г.). Один из основателей Общества «Помощь» и его бессменный председатель. Председатель «Русского юридического общества» с основания и до своей кончины. Почётный член многих русских и иностранных организаций.

Поскольку советское правительство первоначально не было признано иностранными державами, международный септльмент и

французская концессия продолжали считать генконсульство России в Шанхае российским официальным учреждением. Они считали, что генеральный консул России В.Ф. Гроссе продолжает оставаться естественным представителем россиян в Шанхае. Кроме того, русские шанхайцы, как и другие иностранные резиденты, по инерции продолжали пользоваться консульской юрисдикцией (т.н. правом экстерриториальности).

Только через полтора года после начала Гражданской войны в России, впервые с 1917 г., шанхайское генконсульство определило своё официальное отношение к событиям в России и к воюющим на родине сторонам. В июне 1919 г. им был официально опубликован призыв к российским резидентам в Китае поддержать правительство Колчака. Это было сделано со страниц англоязычной газеты North China Daily News, в которой было опубликовано следующее:

«Согласно приказу Посла России в Пекине Генеральное консульство России в Шанхае специально сообщает россиянам подчинённых ему территорий следующее. По решению Омского собрания от 8 апреля 1919 г. всем, кто соответствует нижеследующим требованиям, необходимо поступить в армию:

1. Рождённым в январе–феврале–марте 1897 г., и в 1898–1899–1900–1901 гг.;

2. Морским и армейским офицерам, а также различным служащим моложе 50-ти лет;

3. Провизорам (изготовителям лекарственных препаратов), санитарам, хирургам, врачам, вспомогательным хирургическим сёстрам, женщинам-врачам и медсёстрам – вышеперечисленным категориям россиян необходимо в течение 7 дней явиться в Консульство России и подать соответствующее заявление».

После данной публикации около 150 русских резидентов откликнулись на призыв и спустя несколько дней были отправлены в Сибирь для службы в Белой Армии.

Действия Российского консульства, которое своим призывом пренебрегло даже символическим китайским суверенитетом (Китай в то время был полуколонией) и которое нарушило непреложный закон официальных дипмиссий самим не ввязываться и не провоцировать своих сограждан в конфликты и войны, – подверглись острой критике со всех сторон. Англоязычная шанхайская газета, комментируя это событие, писала что «публикация подобного объявления... была большой ошибкой... Публикацией подобного призыва... разве не был ущемлён китайский суверенитет?.. Если бы то же самое случилось в других странах – Англии, Америке или Франции, – то это

вызвало бы серьёзные протесты правительств и граждан этих стран!.. Русские официальные лица воспользовались правом руководить русскими резидентами в Китае. Даже если бы Китай уже признал бы официально правительство Колчака, – то и тогда российские официальные лица не имели бы права объявлять призыва солдат в армию в кругах русских резидентов в Китае».

Подобные случаи обостряли и без того напряжённую обстановку в воюющем тогда Китае (по сути, в стране шли непрекращающиеся военные стычки между местными милитаристами за право возглавить ту или иную область страны). Прежние имперские настроения российских дипломатов также раздражали новое Китайское правительство, непоследовательно и довольно нервно проводившее борьбу за свои суверенные права.

Отметим здесь, что начиная с середины 1919–20 гг. уже можно говорить о лексической и понятийной смене термина «русский резидент» на «русский эмигрант» в Китае. Отныне даже старые русские резиденты, обосновавшиеся на китайской земле задолго до революции и Гражданской войны, автоматически стали называться русскими эмигрантами.

А пока генконсул В.Ф. Гроссе находился в должности, – он предоставлял помещение консульства бывшим гражданам Российской Империи для устройства различных благотворительных мероприятий, балов, политических и религиозных собраний, митингов и т.д. Так, например, в июле 1920 г. в Зелёном зале консульства открылось первое общее собрание представителей Русской Армии в Шанхае. Тогда собралось около 70 человек, было избрано Правление эмигрантского «Союза военнослужащих» в Шанхае. Этот Союз имел большое влияние в среде русских эмигрантов в последующие два десятилетия.

В сентябре 1920 г. китайское Бэйпинское правительство, готовясь признать новое советское правительство, сообщило Гроссе о непризнании правомочий бывших дипломатов царской России. Однако генконсул под предлогом содействия китайской администрации по управлению делами русских эмигрантов остался работать в этом здании.

Это обстоятельство вызвало горячий протест со стороны советского правительства и советских резидентов в Китае, но он остался без ответа. Гроссе считал, что раз поменялась власть в России – с этим он ничего сделать не может. Но поскольку новое правительство не имело никакого отношения к строительству его детища – здания генконсульства, – то и освобождать его помещения он не считал нужным. Пусть новая власть подыщет себе новое место и, если сможет, – завоюет себе авторитет под шанхайским солнцем.

Новогодний приём в Генконсульстве в 1923 г.

Как и прежде, здание Генконсульства, находящееся до поры в руках Гроссе и бывших российских консульских чиновников, часто предоставлялось под нужды эмигрантских собраний. Например, во многом благодаря благосклонному отношению генконсула, в Шанхае в 1923 году сумело организоваться благотворительное общество «Русское Православное Братство», сыгравшее впоследствии большую роль в жизни русской колонии, помогая бедным и малоимущим русским эмигрантам в Шанхае. В помещении Российского Генерального Консульства силами «Комитета помощи голодающим в России» устраивались также доклады и религиозно-нравственные собеседования, собиравшие большую эмигрантскую аудиторию.

Вид на Генконсульство со стороны городского парка

В.Ф. Гроссе привык считать себя главой русской колонии в Шанхае, а также подчинённых консульству административно российских эмигрантов в северных районах Китая. Решения Генерального консула не оспаривались никем и никогда. Можно назвать его вышколенным «академическим» дипломатом старой России. Возможно, эта черта Гроссе и стала причиной многочисленных конфликтов в русской среде в стремительно меняющихся обстоятельствах послереволюционного и послевоенного времени, когда прежние законы и авторитеты переставали иметь своё непререкаемое значение.

Самая большая группа русских беженцев прибыла в Шанхай в ноябре–декабре 1923 г. Отметим, что их появление было воспринято с настороженностью и недоверием. Во-первых, они «свалились» на голову властям города совершенно неожиданно. Представьте несколько тысяч человек на кораблях, голодных и раздетых, взывающих о помощи, желающих сойти на берег и требующих обеспечить им питание, ночлег, работу и т.д. Такую проблему власти города не желали взваливать на свои плечи, а потому просто отказались принимать эмигрантов, не разрешив им сойти на берег. Во-вторых, на кораблях было много военных и оружия, а этого международный Шанхай боялся как огня. Однако именно это обстоятельство и помогло русским эмигрантам – военные пообещали открыть огонь на Банде (ныне набережная Вайтан), вынудив власти пойти на переговоры и уступки. В конечном итоге, беженцы получили кров и пищу, понемногу обустроились в Шанхае. Этот процесс проходил неровно, долговременно, но российские беженцы выдержали все беды и лишения, возродив на шанхайской почве «кусочек» настоящей России.

Не обошлось и без внутренних распрей. Так, прибывшая в Шанхай из воюющей России флотилия адмирала Старка (3000 чел.), Дальневосточная Казачья группа генерал-лейтенанта Глебова и генерала Д. Лебедева (1000 чел.) столкнулись с тем, что не только муниципальные власти и иностранный консульский корпус Шанхая были категорически против принятия такого количества русских беженцев, но и бывшие российские дипломаты во главе с В.Ф. Гроссе поначалу заняли позицию бесстрастных чиновников. Они убеждали беженцев вернуться обратно в Россию, а затем попытались перенаправить их в другие страны. Именно поэтому Гроссе и стал поддерживать раскол в Дальневосточной Казачьей группе, помогая генералу Анисимову готовить отход парохода «Монгугай» обратно во Владивосток.

Это вызвало справедливый гнев генерал-лейтенанта Глебова, отвечающего за целостность своей группы. Второй конфликт с генералом произошел у Гроссе на почве разногласий из-за попытки захвата

белогвардейцами здания генерального консульства России. Глебов считал необходимым занять консульские помещения и не отдавать ни китайским, ни каким бы то ни было иным властям. Однако, по мнению Гроссе, этого нельзя было допустить, иначе русской колонии грозила обструкция со стороны властей вплоть до высылки из города, да и осуждение дипломатического корпуса. Конфликт усугублялся и тем, что в Консульстве долгое время функционировал «Комитет по репатриации русских из Шанхая в СССР», который воспринимался белогвардейскими офицерами как официально зарегистрированный пункт капитуляции.

В.Ф. Гроссе был, безусловно, блестящим русским дипломатом и талантливым человеком, обладавшим сильным и трудным характером. Гроссе очень болезненно воспринимал выступления русской прессы, критикующей Генконсульство и политику властей. Так, боясь вмешательства прессы в шанхайские дела, Гроссе в 1925 г. посоветовал издателю и учредителю газеты «Шанхайская Заря» М.С. Лембичу вообще не открывать в Шанхае русской газеты. Разумеется, этим он настроил против себя газетчиков.

Не привыкший к открытому обсуждению своих действий, Гроссе был немало озадачен тем, что газета открыла дискуссию по поводу конфликта между генералом Глебовым и бывшим генконсулом о правах и обязанностях Русского Эмигрантского Комитета (РЭК). Тогда на сторону Гроссе встало большее число читателей, что косвенно отразило высокий авторитет В.Ф. Гроссе среди русской колонии.

Подчеркнём, что в Шанхай с волнами эмиграции прибыла большая часть людей образованных, выходцев из среды интеллигенции, военных, юристов, банковских служащих и т.д. Немалую роль в Шанхае играло казачество и военные организации. Жили здесь и представители писательского творческого труда. Один из сыновей В.Ф. Гроссе стал известным в Шанхае поэтом. Несомненно, он унаследовал многие таланты своего сиятельного отца. Начиная с 1929 г. (в 23 года) о нём уже говорили как о состоявшемся поэте.

После окончания учёбы в Европе (Сорбонна, Берлин) Лев Гроссе работал переводчиком в иностранных фирмах. Он хорошо знал английский, французский, немецкий и китайский языки. Став членом содружества поэтов «Понедельник», много печатался в разных газетах и журналах. В одной из рецензий на цикл стихов «Крест поэта» писалось: «Одно у Льва Гроссе сразу подкупает: удивительная лёгкость стиха, какая-то незаурядная прозрачность стихотворного узора...». В 1939 г. Лев Гроссе стал Председателем Литературного объединения в Шанхае. С марта 1939 г. стал издавать журнал «Муза» в

Шанхае. В дальнейшем репатриировался в СССР (1948 г.). Был женат на известной советской эмигрантке Н. Ильиной. В 1949 г. был арестован в Казани, где работал переводчиком, погиб в лагерях.

Другой сын В.Ф. Гроссе стал известным химиком, о достижениях которого также писали русские газеты: «Молодой химик д-р А.В. Гроссе отправил свою статью в научный химический журнал в Америке. В своей статье молодой учёный излагает в популярной форме новейшие открытия в области изучения радия и радиоактивности. Американский журнал принял эту статью к опубликованию и препроводил молодому учёному в Шанхай гонорар в размере 150 мексиканских долларов». О его дальнейшей судьбе ничего не известно. Лишь в шанхайских газетах 1930-х годов автор находил заметки о его работе в европейских университетах.

31 мая 1924 г. Китай подписал с СССР договор о решении спорных вопросов и одновременно признал Советское правительство. В этой связи посольство и консульство России передавались СССР. Лишь 9 июня 1924 г., после того как китайская канцелярия Секции по иностранным делам, действуя согласно приказанию МИДа пекинского правительства, потребовала немедленно оставить здание консульства России для его передачи приезжающему генконсулу СССР, В.Ф. Гроссе покинул консульство. Перед отъездом бывших российских дипломатов с фронтона здания был снят двуглавый орёл и спущен флаг Российской империи. Но Гроссе не уехал из Шанхая, он занял должность Директора Торговой палаты России, занимающейся делами белых русских.

В июне 1924 г. под усиленной охраной европейских и сикхских полицейских состоялась церемония передачи здания российского консульства представителям советского правительства. После прибытия Генконсула СССР Р.Ж. Ильде (R.J. Elleder) с 1 октября 1924 г. здание стало называться Генеральным консульством СССР. Отныне здесь разместились советские учреждения и советские сотрудники.

Всем известно о помощи, которую неофициально оказывали «революционному Китаю» руководители советского государства. Вплоть до конца 1920-х годов и даже позже (в основном по линии Коминтерна) советские руководители были всерьёз захвачены идеей осуществления мировой революции, «которая начнётся с Востока» и которую всего-то нужно было только подпитать оружием и подготовленными в боях с контрреволюцией кадрами. Мягко говоря, расчёты советских политиков скорее выдавали желаемое за действительное, чем реально оценивали сложившуюся тогда в Китае обстановку. Они не утруждали себя серьёзным анализом китайской ситуации и

специфики, не учитывали психологию буржуазных националистов, расчёт делался с опорой на опыт борьбы в царской России, русской революции и гражданской войны. Словом, российский опыт калькировался применительно к Китаю.

Своих опытных китаистов-синологов в Советской стране ещё не было или их было крайне мало. Почти все старые специалисты были в оппозиции к новому режиму и оказались в эмиграции, а голоса оставшихся на родине синологов тонули в парадно-маршевых докладах и радужных планах о победе коммунизма на всей планете. Именно поэтому во время событий китайской революции 1925–1927 гг. захват власти честолюбивым китайским генералом Чан Кайши с буржуазно-националистическим мировоззрением оказался таким неожиданным для коминтерновцев из Москвы.

После чанкайшистского переворота 12 апреля 1927 г. отношения между новым китайским правительством в Нанкине и СССР с каждым днём ухудшались. К августу революция потерпела крах, а в конце года стала ясной несостоятельность стратегических советских расчётов на победу коммунистической революции в Китае. Главный посыл – «народ поддержит революцию, надо только начать её» в полуфеодальном многоукладном Китае не оправдался.

Большинство шанхайских эмигрантов были настроены резко враждебно ко всему советскому, и особенно – к персоналу советского консульства. Понятно, что новые советские праздники, а особенно празднование 7 ноября в советской колонии Шанхая, воспринимались как трагические дни в истории родины. Вот почему 10-летие со дня Октябрьской революции было драматически «отмечено» русской колонией, в результате чего погиб один и был ранен другой молодой эмигрант. Напомним, что 10-летний юбилей Октябрьской революции торжественно отмечался в СССР, поэтому на празднование в советское консульство был приглашён весь консульский корпус Шанхая, китайские власти, деятели китайского общественного движения. Вечером перед зданием консульства должна была состояться праздничная иллюминация и фейерверки. Вот как об этом рассказывается в книге белоэмигрантского автора В.Д. Жиганова «Ноябрьские события 1927 года в Шанхае»:

«В день десятилетия советской власти в 1927 г. русские белые эмигранты устроили у советского консульства в Шанхае демонстрацию протеста. Сначала они соорудили гроб с надписью „Communism“ и двумя фигурами – каторжника и советского дипломата, которые были доставлены к подъезду советского консульства. После вызова полиции эти вещи были вывезены на свалку, но члены эмигрантского „Кружка русской молодёжи“ нашли их и установили гроб и

обе фигуры на специально нанятую баржу. Баржа была поставлена на якорь в канале, у середины Бридж-Гарден, напротив советского консульства, где и простояла до ночи. К вечеру того же дня (7 ноября) эмигранты, желая помешать празднованию юбилея, собрались в количестве около 1000 человек у консульства и устроили громадную демонстрацию, во время которой камнями были перебиты почти все стекла первого и второго этажей. В ответ на это сотрудники советского консульства открыли огонь по эмигрантам, двое человек были ранены. Один из раненых вскоре скончался в больнице, и на его похоронах многотысячная толпа эмигрантов на кладбище устроила грандиозный митинг протеста против советской власти». Отметим здесь, что все эти акции происходили при полной апатии муниципальных властей, и только вмешательство шанхайского дипломатического корпуса заставило городскую полицию навести порядок.

Разбитые окна Генконсульства в ноябре 1927 г. в Шанхае

Баржа в канале с гробом и фигурами каторжника и дипломата, установленными русскими эмигрантами

В декабре 1927 г., после того, как КПК начала вооружённое восстание в Гуанчжоу, правительство Китая приказало персоналу советского консульства в Шанхае покинуть страну. 13 декабря 1927 года, во время доклада Чан Кайши о текущих событиях перед журналистами в Шанхае, он высказал своё мнение о необходимости полного разрыва отношений с СССР даже на уровне неофициальных контактов.

На следующий день Народное правительство Китая в Нанкине опубликовало Указ о прекращении дипотношений с СССР. Министр иностранных дел У Чаошу и непосредственно ведущий переговоры китайский дипломат Го Тайцзи приехали в шанхайское Генконсульство СССР, лично вручив ноту о разрыве отношений между сторонами, и потребовали, чтобы в течение недели консульские службы освободили помещение. Советское правительство в свою очередь опубликовало заявление, что оно никогда и не признавало т.н. «Народное правительство в Нанкине». 23 декабря 1927 г. на Советском консульстве в Шанхае был спущен государственный флаг СССР. Вечером того же дня сотрудники консульства покинули здание и двумя группами сели на пароход, отправляющийся на Родину. Здание и всё имущество было передано под охрану консульства Германии в Шанхае. Делами, связанными с советской диаспорой в Шанхае, отныне также должно было ведать консульство Германии.

Русская колония за без малого 30-летнее существование в Шанхае оставила достойный след своего пребывания на китайской земле. Жаль, что многие имена выдающихся российских дипломатов, общественных деятелей, художников, артистов, архитекторов, писателей не имеют никакого значения для китайцев, или если и знакомы китайским специалистам, то не вызывают у них интереса. Главное – до сих пор нет ни одной китайской книги, посвящённой истории дипломатического присутствия в Китае и роли его в развитии страны. Что уж о дипломатах говорить – нет ни одной таблички, ни одной фоторепродукции о пребывании в 1930-е годы в гостинице Cathay (Peace hotel) знаменитых русских исполнителей Фёдора Шаляпина и Александра Вертинского. В до сих пор действующем в Шанхае театре «Ляйсеум» не знают о том, что там выступали наши именитые русские таланты.

Важным вопросом, на наш взгляд, является вопрос взаимодействия двух культур – китайской и русской. Поражает удивительная наблюдательность и проницательность русских китаистов, которые могли увидеть, постичь и принять внутреннюю жизнь китайцев того времени. Безусловно, эти материалы помогали русским беженцам правильно понимать и уважать китайские обычаи, быт и культуру.

Мне кажется, многие публикации русских эмигрантов до сих пор не потеряли своей актуальности. Если бы была возможность собрать все эти статьи в одну книгу и напечатать сейчас – эта книга без преувеличения стала бы бестселлером! И здесь влияние русских на китайцев и китайцев на русских сказалось весьма сильно. В Китае многие русские впервые начали изучать китайский язык, знакомиться с китайской культурой, традициями, обычаями, религией. Редакторы крупнейших русскоязычных газет Л.В. Арнольдов, П.И. Зайцев, юрист А.П. Шендриков, писатель-публицист М. Щербаков и другие регулярно публиковали свои замечательные статьи и изыскания по Китаю. Мы лишь хотели бы подчеркнуть, что среди эмигрантов оказались и дипломаты, и персонал бывших посольства и консульств Российской империи. Конечно, у русских эмигрантов был исключительно свой взгляд на Китай и китайцев, иногда довольно субъективный.

Статьи в эмигрантской периодике, посвящённые китайским темам. Шанхайская Заря, 1930-е годы.

Несомненно, русские дипломаты сыграли огромную роль в установлении, поддержании и сохранении русского влияния на Китай. В ходе исторических событий при смене политических парадигм достижения дореволюционной дипломатии были отринуты, Россия потеряла шансы на политический реванш в Китае, утратив и свою государственность. Однако молодая советская дипломатия в новой исторической обстановке быстро подхватила упавшее знамя и стала развивать отношения на новых условиях равноправия и сотрудничества. История этой страницы дипломатии ещё требует своих исследователей.

Список дипломатических сотрудников Советской России и СССР, работавших в Посольстве и Консульстве СССР в Шанхае, приведён в Приложении 2.

Периодические издания

1. Шанхайская Заря, 1925–1930 гг.
2. Вечерняя Заря, Шанхай, 1929–1932 гг.
3. Заря, Шанхай, 1923–1932 гг.

Литература

4. *Жиганов В.Д.* Русские в Шанхае: Альбом. Шанхай, 1936. 300 с.
5. *Ван Чжицэн.* История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008. 576 с.
6. *Ван Чжицэн.* Карта русской культуры в Шанхае. Шанхай, 2010. 157 с.
7. Русские в Китае. Исторический обзор. Шанхай, 2010. 570 с.

Интернет-источники

8. Сайт Русского клуба в Шанхае. URL: <http://www.russianshanghai.com/hi-story/now/post1509>

Приложение 1

Список дипломатов и консульских сотрудников, работавших в Генеральном консульстве Российской империи в Шанхае.

- Баллюсек Л.Ф.**, генерал [Balluseck L. De General] (июль 1861 – 31 мая 1863 г.).
- Глинка Н.** (31 мая 1863 – 30 ноября 1863 г.), и.о. вице-посланника.
- Влангали А.Г.**, генерал (30 ноября 1863 – 21 апреля 1869 г.).
- Бутцов Е.Д.** [Butzow, Eugene de] (21 апреля 1869 – октябрь 1870).
- Влангали А.Г.**, генерал (октябрь 1870 – 5 октября 1873 г.).
- Каяндер А.** (5 октября 1873 – 23 марта 1874 г.), и.о. вице-посланника.
- Бутцов Е.Д.** (23 марта 1874 – 31 марта 1878 г.).
- Каяндер А.** (31 марта 1878 – 8 апреля 1881 г.), и.о. посланника.
- Бутцов Е.Д.** (8 апреля 1881 – 10 ноября 1882 г.).
- Вебер К.Н.** [Waeber C.] (10 ноября 1882 – 15 октября 1883 г.).
- Попов Сергей И.** [Poroff, Serge I.] (15 октября 1883 – 19 марта 1886 г.).
- Ладьженский Н.** [Ladyjensky, N.] (19 марта 1886 – 23 ноября 1886 г.), и.о. посланника.
- Кумани Алексис М.** [Coumanu, Alexis M.] (23 ноября 1886 – 1 апреля 1890 г.).
- Клейменов К.** [Kleimenow, C.] (апрель 1890 – сентябрь 1891 г.).

Кассини А.П., граф [Cassini Arthur Pavlovich] (17 ноября 1891 – 3 октября 1896 г.).
Павлов А.И. [Pavlov A.I.] (3 октября 1896 – 24 ноября 1898 г.).
Гирс М.Н. [Giers M.N. de] (24 ноября 1898 – 29 сентября 1901 г.).
Лессар Пьер Михайлович [Lessar P.M.] (29 сентября 1901 – 27 ноября 1902 г.).
Плансон [Planson] (27 ноября 1902 – февраль 1903 г.), и.о. посланника.
Лессар П.М. [Lessar P.M.] (февраль 1903 – март 1905 г.).
Козаков Г. [Kozakow G.] (апрель 1905 – май 1905 г.), и.о. посланника.
Покотилов Дмитрий Дмитриевич [Pokotilov D.D.] (май 1905 – 7 марта 1908 г.).
Голубов Е. [Golouboff, E.] (8 марта 1908 – 30 августа 1908 г.), и.о. посланника.
Коростовец Иван Яковлевич [Korostovetz I.Ia. Jean de] (30 августа 1908 – 2 июня 1910 г.).
Щекин М. [Shchekine M.] (2 июня 1910 – 22 сентября 1910 г.), и.о. посланника.
Коростовец И.Я. (22 сентября 1910 – декабрь 1911 г.).
Крупенский Василий Н. [Kroupensky, Basil N.] (1912–1916 гг.).
Кудашев Н.А., князь [Koudacheff, N.A., Prince] (1916–1920 гг.).

Приложение 2

Список дипломатических сотрудников Советской России и СССР, работавших в Посольстве и Консульстве СССР в Шанхае.

Послы СССР в Китае:

Иоффе Адольф Абрамович (Joffe A.A.) (август 1922 – июль 1923 гг.), полномочный представитель Советской России; на дипработе в Китае до сер. 1924 г.).
Карахан Лев Михайлович (Karakhan L.M.) (июль 1923 – июль 1924), полномочный представитель; (июль 1924 – сентябрь 1926 г.), посол СССР.
Черных А.С. (Tchernykh A.S.) (октябрь 1926 – апрель 1927), и.о. посла.
Богомолов Д.В. (Bogomoloff D.V.) (май 1933 – январь 1938), посол.
Луганец-Орельский (Louganets-Orelsky) (январь 1938 – сентябрь 1939 гг.), посол.

Панюшкин Александр Семёнович (Paniushkin A.S.) (сентябрь 1939 – май 1945 г., сентябрь 1952 – апрель 1953 г.).

Петров Апполон Александрович.

Роцин Николай (Roschin N.) (май 1948 – сентябрь 1952 г.).

Имена советских дипломатов, в разное время направленных на работу в Шанхай (до 1949 г.):

Р.Ж. Ильде (R.J. Elleder) (1 октября 1924 – 23 января 1925 г.), и.о. генерального консула СССР.

Пономаренко (23 января 1925 – март 1925 г.), и.о. генконсула.

Озарнин Е.К. (Osarnin E.K.) (март 1925 – 4 сентября 1925 г.), генеральный консул.

Вильде С.Л. (Wilde S.L.) (4 сентября 1925 – 25 октября 1925 г.), и.о. генконсула.

Озарнин Е.К. (25 октября 1925 – февраль 1926 г.), генконсул.

Линде Ф.В. (Linde F.W.) (17 февраля 1926 – апрель 1927 г.), генконсул.

Козловский Б.И. (Koslovsky B.I.) (апрель 1927 – 11 декабря 1927 г.), генконсул.

Милюковский М.В. (19 июня 1933 – 25 сентября 1933 г.), и.о. генконсула; ранее был вице-консулом.

Шпильванек И.И. (Spilvaneck I.I.) (25 сентября 1933 – 1 октября 1933), генконсул; (до августа 1936 г. на дипработе в консульстве).

Милюковский М.В. (август 1936 – сентябрь 1936 г.), и.о. генконсула; ранее был вице-консулом, отвечал за восстановление работы генконсульства с сентября 1936 г.

Симанский Б.М. (Simansky B.M.) (сентябрь 1936 – 12 октября 1936 г.), и.о. генконсула; ранее был вице-консулом.

Шпильванек И.М. (12 октября 1936 – апрель 1937 г.), генконсул; с апреля 1937 г. покинул Шанхай.

Симанский Б.М. (апрель 1937 – декабрь 1938 г.), и.о. генконсула.

Шпильванек И.И. (декабрь 1938 – 18 апреля 1939 г.), генконсул; отозван на родину.

Симанский Б.М. (18 апреля 1939 – 15 августа 1939 г.), и.о. генконсула.

Константинов М.А. (Konstantinoff M.A.) (15 августа 1939 – 23 сентября 1939 г.), и.о. генконсула; ранее был консулом. 23 сентября 1939 г. был отозван из Шанхая.

В следующем месяце генконсульство было закрыто. По просьбе СССР генконсульство Норвегии в Шанхае ведало интересами граждан СССР. В мае 1941 г. дела консульства были переданы в распоряжение советского Посла в Японии и сотрудники советского посольства в Японии одновременно исполняли обязанности генерального консульства и часто совершали командировки в Шанхай. 20 декабря 1945 г. СССР решил восстановить работу генконсульства в Шанхае.

Ананьев Н.С. (Ananiev Nicolai S.) (февраль 1946 – 29 мая 1946 г.), и.о. генконсула; ранее работал в посольстве секретарём посольства.

Халин Ф.П. (Fedor P. Halin) (29 мая 1946 – 1948 гг.), генконсул.

Владимиров П. (Peter Vladimirov) (с 1948 г. и позже), генконсул.